

А. В. Гушин

**Восточно-сибирские стрелки
в Русско-японской войне 1904–1905 годов**

Вооруженные силы представляют собой, с социальной точки зрения, сложную организацию, в которой формальные (уставные) отношения дополняются, а иногда на практике и подменяются отношениями, основанными на традициях, боевом опыте и реальностях армейского (фронтового) быта. Существовавшее в российских вооруженных силах так называемое «старшинство» частей (по времени основания) далеко не всегда определяло их место в военной иерархии. Боевые заслуги позволяли сравнительно «молодым» полкам занимать достаточно высокое положение. Нельзя забывать о том, что само понятие «отличие», означавшее основание для награждения воинов и частей, способствовало тому, чтобы воинские коллективы тяготели к оформлению своей «особости». Полки русской армии на рубеже XIX–XX вв. кроме номера имели название, в котором можно увидеть отголоски процесса их формирования и переформирования. В ряде случаев имена частей оказывались важной составной частью мифоподобного конструкта. В отдельном Кавказском корпусе, например, ударными частями считались Куринский, Кабардинский, Тифлисский и Апшеронский полки, основанные еще во время Персидского похода Петра I в 1722–1723 гг. Но такой же репутацией пользовался и Нижегородский драгунский полк, несмотря на свое совершенно «некавказское» название¹.

Регионализм – явление, давно и успешно изучаемое представителями различных дисциплин. Русско-японская война дала интересный пример того, как регионализм стал

¹ См: *Лапин В. В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

дополнительным импульсом процесса «отличия» воинских частей по принципу их формирования или месторасположения. Публицистика и мемуаристика свидетельствуют о существовании разделения участников войны на «российских» и «сибирцев». Участник боев в Маньчжурии писал: «Здесь офицеры разбились на две группы: одни – российские, другие – сибирцы-омулятники, как их россияне называют... никто не говорит, что здесь Россия: Сибирь, а Россия по ту сторону Урала»¹.

В первые месяцы Русско-японской войны молодежь из гвардии ринулась добывать ордена и боевые отличия. В воспоминаниях и военном фольклоре таких гвардейцев добровольцев (на армейском сленге – «фазанов») считали карьеристами, строившими карьеру на солдатских костях. Они незаслуженно отбирали у офицеров коренных сибирских полков командные должности. Именно такую ситуацию рисует в своих воспоминаниях штабс-капитан Генерального штаба Александр Александрович Свечин, прикомандированный к 22-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку: «Дело было в том, что в полк назначено было много новых командиров, которые только что прибыли из Европейской России. На каждую роту приходилось в среднем по полтора капитана, а четырьмя ротами командовали коренные офицеры полка – штабс-капитаны, которые мобилизовывали их. Всякого прибывающего офицера постарше чином встречали не особенно радостно...»². Зауряд-прапорщик 3-й роты 3-го Восточно-Сибирского полка Михаил Петрович Гроссевич говорил в своих воспоминаниях о несправедливом отношении к «сибирякам» со стороны офицеров из России. Так, на первом построении вновь прибывший из России поручик провел переключку и построил нижних чинов роты по принципу принадлежности к «российским» или «сибирским» губерниям. Как замечает «сибиряк» М. П. Гроссевич, эту про-

¹ *Фон-Ланг П.* Среди неудач. Из русско-японской войны. СПб., 1913. С. 43.

² *Свечин А. А.* В восточном отряде: от Ляояна к Тюренчену и обратно. Марши, встречи, бои, наблюдения. Варшава, 1908. С. 21.

цедуру поручик проделал, чтобы «отделить грешников от праведников»¹. Даже не настолько важно, действительно ли поручик составил список потенциально ненадежных в его глазах нижних чинов на основании региональной принадлежности, важно отражение конфликта в источнике. Конфликт вызван нежеланием поручика осознавать высокий уровень боеспособности сибирских стрелков. «Ваше Благородие, проговорил я, держа руку под козырек и вытянувшись в струнку. Вы можете иметь какое угодно мнение о сибиряках, но я не помню случая, чтобы сибиряки бежали в бою. – Не помните? Странно! У вас должно быть плохая память. Давно ли вас сибиряков под Вафангоу расколотили?»². Что характерно, в дальнейшем развитии сюжета в воспоминаниях М. П. Гроссевица «европейский» поручик проявляет недостойную офицера трусость в бою и покидает полк по болезни. Такое описание природы конфликта и его развязки, видимо, отражает наличие в представлениях русского комбатанта особого статуса сибирских стрелков, и неуважение этого статуса могло привести к печальным последствиям.

Полки 4-го Сибирского корпуса, прекрасно показавшие себя в боях под Дашичао, Хайченом и Ляояном, были укомплектованы исключительно сибиряками – по выражению А. Н. Куропаткина, «людьми угрюмыми, но стойкими, с твердым и решительным характером». Согласно санитарно-статистическому очерку Н. Козловского, уроженцы Сибири представляли в общем наилучший по здоровью контингент. Физически крепкие, приученные к лишениям и невзгодам таежной жизни, они сравнительно легко и скоро свыкались с условиями походной жизни. Видимо, не последнюю роль среди запасных, призванных из Сибири, сыграл тот факт, что многие из них проходили срочную службу, участвуя в китайском походе 1900–1901 гг.³ Они хорошо представляли, как нужно вести себя с местным коренным населением, к чему готовиться

¹ Гроссевич М. П. Борьба с лучами восходящего солнца. Из боевых воспоминаний Русско-японской войны. М., 1908. С. 200.

² Там же. С. 202.

³ Козловский Н. Война с Японией 1904–1905 гг.: Санитарно-статистический очерк. Пг., 1914. С. 5

и чего ждать от природно-климатических условий Маньчжурии. Объективно высокая боеспособность сибирских стрелковых полков объяснялась еще и тем, что для образования третьих батальонов в Восточно-Сибирских стрелковых полках пехотные полки корпусов должны были отдать своих лучших солдат. Капитан А. А. Свечин вспоминал, что для пополнения 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка к нему присоединили 3-й батальон, укомплектованный гренадерами из Московского военного округа¹. Командир полка, видимо, желая продемонстрировать особый статус сибирских стрелков, считал необходимым перемешать гвардейские роты с «коренными» стрелковыми. В полку установилось несколько снисходительное отношение к гренадерам и их офицерам, что, по мнению А. А. Свечина, «...было совершенно незаслуженно, в особенности по отношению к блестящему офицерскому составу»². Это особенно заметно с учетом того, что гренадеры считались элитным видом пехоты, стоявшим в официальной иерархии ниже гвардейцев, но выше «простых» армейцев. В дневнике полкового врача В. П. Баженова, призванного из запаса, нашло отражение наличие некой особой военной субкультуры: «...в военное же время она (пехота. – А. Г.) окончательно потеряла престиж, и стрелковые части старательно отделяли себя от пехоты»³. Действительно, в Восточно-Сибирских стрелковых полках обращали особое внимание на огневую подготовку своих солдат. Особенно это касалось частей, дислоцированных в пределах Квантунского полуострова. Золотые или серебряные наградные часы «За отличную стрельбу» были не редкостью для сибирских стрелков, а каждый уважающий себя кадровый унтер-офицер считал получение такого именного приза для себя обязательным. Более того, так называемые конно-охотничьи и охотничьи команды являлись первоначально особенностью и гордостью именно восточно-сибирских стрелков. Прикоманди-

¹ Свечин А. А. В восточном отряде... С. 22.

² Там же. С. 22.

³ Баженов В. П. Японская компания. (Дневник полкового врача). Тула, 1926. С. 12.

рованый к русской армии немецкий майор Э. Теттау с восхищением говорил о том, что в каждом Восточно-Сибирском стрелковом полку было 144 охотника¹. Действительно, охотничьи команды являлись самыми боеспособными частями полков и соответственно выполняли непростые задачи – разведка, взятие языка, начало тяжелой атаки, обеспечение отступления и выхода из боя полка и пр. В ходе боевых действий и пехотные полки русской армии также успешно формировали охотничьи команды, но сибирские стрелки являлись в данном случае образцом.

Источники позволяют нам говорить о наличии противостояния «российских» и «сибирских» офицеров, о своеобразной армейской форме сибирского областничества. Примечательно то, что нижние чины и офицеры, идентифицировавшие себя как сибирские стрелки, по рождению зачастую были представителями европейских губерний Российской империи и Сибирь видели из окна поезда, следуя в составе воинского эшелона на Дальний Восток. Унтер-офицеры являлись опорой в поддержании дисциплины и порядка в дореволюционной кадровой русской армии, и именно им принадлежала почетная обязанность формирования определенных мировоззренческих установок. Вот типичный пример сибирского стрелка: Казанцев Емельян Федорович, старший унтер-офицер 3-й роты 35-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Родился и вырос в Курской губернии, Белгородском уезде Муромской волости, на хуторе Плиском. Участвовал в двух компаниях: русско-китайской и русско-японской. Служил в г. Порт-Артуре в 11-м Восточно-Сибирском стрелковом полку и по случаю формирования 9-й дивизии перешел в 35-й Восточно-Сибирский полк². Сибирскими стрелками становились, а не рождались. Дмитрий Гаврилович Шепель родился в селе

¹ *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев с русскими войсками в Маньчжурии. СПб., 1908. С. 44.

² *Отголоски* русско-японской войны. Записи больных и раненых, лечившихся в Челябинском лазарете Красного креста и в учреждениях, организованных там же статс-дамою А. Н. Нарышкиной. Под редакцию б. директора Казанской учительской семинарии Н. А. Бобровникова. Казань, 1914. С. 167.

Ржавец Полтавской губернии Прилуцкого уезда Иваницкой волости. После окончания Земского народного училища (трехлетнего) в 1900 г. был призван на военную службу и назначен на службу в Порт-Артур. Молодой новобранец-малоросс попал в 4-ю роту 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Унтер-офицер Шульдяков, обучавший новобранца Шепеля, также не был сибиряком – уроженец Тульской губернии. Тем не менее наряду с азами строевой и тактической подготовки новобранцам преподносили первые уроки неформальной элитарности сибирских стрелков. По воспоминаниям Д. Г. Шепеля, «...Шульдяков сразу меня обратил в другой вид и внушил, что значит доблестный Восточно-Сибирский стрелок»¹. По признанию Шепеля, со временем он «стал гордиться своим званием»². Русская мемуаристика периода войны 1904–1905 гг. повествует об участии в боевых действиях восточно-сибирских стрелков с чувством уважения их боевых качеств. 11-й Псковский пехотный полк ничем не отличался от 5-го Восточно-Сибирского полка: ни вооружением, ни формой, ни тактическими приемами ведения боя. Никаких преимуществ в чине при переводе из стрелкового в пехотный полк офицеры не имели, но осознание своей элитарности как у самих стрелков, так и у их коллег по оружию отрицать не приходилось.

В русской военной истории немало примеров, когда тот или иной продолжительный военный конфликт производил в рядах армии какое-то особенное мировоззрение или коллективную психологию. Пожалуй, самый яркий пример – Кавказская война и солдаты Кавказского корпуса, для которых устав – лишь форма, а в то время как неписанные традиции, отчасти генерированные самими участниками, отчасти заимствованные у местного населения, составляли поведенческую основу. К началу XX в. Кавказ уже не мог претендовать на звание самого «боевого». Разраставшаяся империя обратила свои взоры к Средней Азии и Дальнему Востоку. Участие в постоянных стычках с не-

¹ *Дневник* героя унтер-офицера 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка из Русско-Японской войны 1904–1905 гг. С. 3.

² Там же. С. 3.

спокойным кочевым населением Азии и в облавах на хунхузов в Маньчжурии и китайской компании вырабатывало особенные черты характера. К началу Русско-японской войны прошло 5 лет. Конечно, это не 150 лет «умиротворения» Кавказа, но для выработки особого восприятия действительности этого краткого периода оказалось вполне достаточно. Не секрет, что основу вооруженной охраны КВЖД, конной пограничной стражи, составляли нижние чины из солдат, отслуживших срочную службу в сибирских стрелках и по тем или иным причинам решивших остаться в Маньчжурии.

В литературе и в источниках личного происхождения очень много написано о личности генерала А. М. Стесселя, в том числе о такой особенности его поведения, как грубое отношение к подчиненным. Обратимся к истории одного из таких стесселевских разносов.

8 мая 1904 г. А. М. Стессель приехал на позицию 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Он разбил роту, а младшего офицера этой роты штабс-капитана Сычева отставил от командования ротой и велел не представлять к наградам. По свидетельству командира 5-го полка полковника Н. Третьякова, Стессель был недоволен предыдущим сражением, а когда узнал, что командир 6-й роты капитан Гомзяков был раненым оставлен на поле сражения, негодующему его не было предела¹. Возможно ли вынести раненого товарища с поля боя, определить с помощью свода военных законов практически невозможно, это вопрос этики или неписанных правил. В данном случае генеральский разнос, сопровождаемый бранью, был направлен на всю роту, виновную в нарушении правила, сформированного китайской кампанией и опытом стычек с хунхузами у сибирских стрелков. В Азии нельзя оставлять врагам ни тела убитого, ни, тем более, раненого. Павший считался здесь ценным трофеем, а раненого ждали пытки и мучительная смерть. В условиях недружелюбной Маньчжурии, где ни солдатам, ни генералам во время

¹ Третьяков Н. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909. С. 23.

китайского похода не было понятно, сколько продлится пребывание русских войск в регионе, вынос раненого или даже павшего в бою товарища считался просто обязательным. Такой проступок был особенно непростителен 5-му Восточно-Сибирскому полку, участвовавшему в Китайском походе 1899–1901 гг. и в операциях против хунхузов. Поэтому вполне заслуженно генерал А. М. Стессель наказал роту и лишил представления к награде субалтерно-офицера полка, давно прошедшего боевое крещение. С другой стороны, сам полковой командир как бывалый стрелок должен был оберегать эту неписанную традицию и выяснить обстоятельства боя и судьбу брошенного ротой капитана. По выражению полковника Н. А. Третьякова, «...рота и младший офицер мало были виноваты»¹. Конечно, выражение «мало виноваты» все-таки говорит о том, что подчиненные показали себя, по мнению полкового командира, не с лучшей стороны. Капитана Гомзякова из боя вынесли в китайскую фанзу, привели лошадь, чтобы увезти на перевязочный пункт, но ехать на лошади он не мог и послал за санитарной двуколкой. Людей, принесших его, он отправил в бой, говоря, что они там нужны, а сам с фельдшером стал ожидать повозку. В это время стрелки начали отступать, и капитан Гомзяков, отдавши шашку фельдшеру, приказал ему уходить, говоря: «...ты мне не поможешь, и тебя, если останешься убит, а ты в роте нужен». Капитан Гомзяков в итоге был взят японцами в плен и там от ран умер.

На мой взгляд, формирование особой военной идентичности было объективным явлением. Русская армия со своим традиционным высоким уровнем корпоративности на уровне полка и полковой истории создала возможность для выделения сибирских стрелков. Кадровые полки русской армии гордились своим именованием, историей, участием в походах. Восточно-Сибирские стрелковые полки имели только номер и скромный вензель «В-С» на погонах, они не могли похвастаться георгиевскими трубами или сереб-

¹ Третьяков Н. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк... С. 23.

ряными рожками на околышах. Но постоянное участие в локальных боевых действиях, связанное с активным продвижением империи в Среднюю Азию, Маньчжурию и Китай, создавало у стрелков свои полковые истории. Полки обретали постоянные места дислокации и относительное постоянство в офицерском составе. Первоначально укомплектованные «с бору по сосенке», сибирские стрелки стали комплектоваться массовым переводом нижних чинов из других регионов, но в ряде полков процент коренных сибиряков был высок.

Насколько была важна для военного человека того времени самоидентификация, говорят многочисленные известные факты плохого взаимодействия отдельных частей на поле боя в Русско-японскую войну. Капитан А. А. Свечин (в последующем – известный военный теоретик, а в период Русско-японской войны – артиллерист, прикомандированный к 22-му Восточно-Сибирскому полку), считал главным уроком боевых действий 1904–1905 гг. необходимость воспитания в армии чувства солидарности всех защитников Родины в ущерб «эгоизму отдельных частей»¹.

При оценке характера противостояния «российских» и «сибирских» следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, основные материалы об этом имеют сильный налет ретроспекции. Почти все они создавались в период осознания причин поражения и неизбежного для такой ситуации поиска виновных. Сибиряки, разумеется, в таком случае смотрели, прежде всего, на живущих по другую сторону Урала. Во-вторых, сами авторы были читателями военной литературы о Кавказской войне, в которой ярко проявилось негативное отношение «кавказцев» к «российским». Себя солдаты и офицеры частей, воевавших на этой имперской окраине с «ермоловских» времен, относили к числу первых, а к числу вторых – полки, присланные в подкрепление в 1830–1850-е гг.

Тем не менее, несомненно, что Русско-японская война пополнила традиционный перечень оснований для внутриармейского соперничества. Прежде было известно проти-

¹ Свечин А. А. В восточном отряде... С. 104.

востояние офицеров Генерального штаба и строевиков, враждебное отношение к гвардейцам со стороны непривилегированных офицеров, недопонимание между выпускниками различных военных учебных заведений, конкуренция между различными родами войск. В ходе войны 1904–1905 гг. и после ее окончания в военной литературе и в мемуарах появилось разделение на «российских» и «сибирских», притом что отношение к сибирским стрелкам разнится от пренебрежительной клички «омулятники» до прославления их, порой даже противопоставления всей остальной армии.